

СТАВРОПОЛЬСКІЯ
Епархіальныя Вѣдомости.
(Изданіе еженедѣльное).

Подписная цѣна:
на годъ — 5 рублей 50 коп.,
на полгода — 3 рубля.

Подписка принимается
въ редакціи Епарх. Вѣдомо-
стей, въ Ставрополѣ н-К.

№ 11-й. 13-го марта 1910 года.

Отдѣлъ оффиціальный.

I.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

*О своевременномъ представленіи свѣдѣній о посещеніи при-
ходовъ миссіонерами.*

Епархіальное Начальство, разсмотрѣвъ журналъ Став-
ропольскаго Епархіальнаго Миссіонерскаго Комитета, отъ
2-го мая 1903 года за № 70, утвержденный Его Преосвя-
щенствомъ 7-го мая за № 1096, коимъ, между прочимъ,
постановлено просить Духовную Консисторію принять
мѣры къ тому, чтобы распоряженіе Епархіальнаго Мис-
сіонерскаго Комитета, пропечатанное въ оффиціальной
части № 13 Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1902 годъ, объ
обязательномъ заведеніи при всѣхъ церквахъ епархіи

миссіонерскихъ книгъ для записи о посѣщеніи миссіонерами приходовъ и о веденныхъ бесѣдахъ, было приведено о.о. благочинными и причтами епархіи въ исполненіе; въ измѣненіе и дополненіе пар. 11 Инструкціи для миссіонеровъ Ставропольской епархіи, установить, чтобы при посѣщеніи прихода о. епархіальнымъ, а также и окружнымъ миссіонеромъ причты сами дѣлали запись, требуемую пар. 11 вышеупомянутой Инструкціи, а не возлагали это на миссіонера или не пользовались его услугами, предоставивъ ему право скрѣплять запись своею подписью, а затѣмъ копии съ сихъ записей причты должны незамедлительно доставлять при посѣщеніи прихода о. епархіальнымъ миссіонеромъ — Его Преосвященству, а при посѣщеніи окружного миссіонера — о. епархіальному миссіонеру, который докладываетъ Комитету, опредѣленіемъ, состоявшимся 11 іюня—12 іюля 1903 года, постановило: подъ личною отвѣтственностью благочинныхъ обязать причты завести надлежашіе журналы и соотвѣтствующую протокольную запись вести самому причту. О вышеизложенномъ дано было знать духовенству циркуляромъ, отъ 28-го іюля 1903 года за № 19705. Затѣмъ, согласно заключенію Консистеріи, на 7-го октября 1904 года, утвержденному Его Преосвященствомъ 14 того же октября за № 7839, Духовная Консистерія вновь 29-го октября 1904 года за № 29433 циркулярно предписала духовенству епархіи о точномъ исполненіи распоряженій Епархіальнаго Начальства, выраженныхъ въ циркулярѣ онаго, отъ 28-го іюля 1903 года за № 19705, о заведеніи при церквахъ надлежащихъ журналовъ, требуемыхъ пар. 11 Инструкціи для миссіонеровъ Ставропольской епархіи и о своевременномъ представленіи кому слѣдуетъ свѣдѣній о посѣщеніи приходовъ о.о. миссіонерами съ проповѣдью слова Божія съ предупреденіемъ, что за уклоненіе въ будущемъ виновные будутъ подвергнуты должному взысканію. Но такъ какъ по донесенію Миссіонерскаго Совѣта многіе причты не дѣлаютъ донесеній Его Высокопреосвященству о посѣщеніи

церкви и прихода о.о. миссіонерами и о ихъ дѣятельности, то Духовная Консисторія настоящимъ, согласно постановленія Ставропольскаго Епархіальнаго Миссіонерскаго Совѣта, отъ 31-го декабря 1909 года за № 264, утвержденнаго резолюціей Его Высокопреосвященства, отъ 16-го января 1910 года за № 135, снова подтверждаетъ причтамъ епархіи о неуклонной ихъ обязанности дѣлать таковыя денесенія безъ напоминанія имъ о семъ со стороны о. миссіонеровъ.

О сборъ пожертвованій въ пользу глухонѣмыхъ.

Къ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Агаѳодору, Архіепископу Г. Ставропольскому и Екатеринодарскому, поступило письмо Ставропольскаго Губернатора, отъ 5-го марта 1910 года № 2187, слѣдующаго содержанія:

*„Ваше Высокопреосвященство,
Милостивый Архипастырь и Отець.*

Съ разрѣшенія Правительствующаго Синода отъ 28-го августа—5-го сентября 1907 года за № 5387, даннаго Попечительству ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ о глухонѣмыхъ, въ нынѣшнемъ году, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ произведенъ церковно-кружечный сборъ во всѣхъ церквахъ Ставропольской губерніи въ теченіе 5-й седмицы Великаго поста, начиная съ четвертаго воскреснаго дня сего поста.

Въ видахъ успѣшнаго производства означеннаго сбора особыми сборщиками, которымъ разосланы мною письменныя приглашенія, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ покорнѣйшей просьбой поручить подвѣдомственнымъ Вамъ настоятелямъ церквей Ставропольской губерніи: а) оказать сборщикамъ въ этомъ дѣлѣ необходимое содѣйствіе и б) произносить съ церковнаго амвона въ теченіе 5-й недѣли соотвѣтствующую этому

событію проповѣдь, составленную Комитетомъ Попечительства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ о глухонѣмыхъ и при семь прилагаемую (въ числѣ 300 экземпляровъ), которые благоволите предложить Духовной Консистеріи разослать по принадлежности.

Поручая себя Архипастырскимъ молитвамъ Вашимъ, прошу принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности Вашего покорнѣйшаго слуги *Бр. Янушевичъ.*

На письмѣ семь резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: „8-го марта 1910 г. Письмо это напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію духовенства епархіи и исполненію, а воззванія препроводить при Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ приложеніемъ“.

О назначеніи законоучителей.

Назначены законоучителями: Удѣленскаго министерскаго училища-священникъ Прохоръ Щербаковъ; 2-го Новогеоріевскаго училища-священникъ Димитрій Алмазовъ, 4-го марта.

Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

Утверждены въ должности ц. старостъ, согласно избранію прихожанъ, слѣдующія лица:

при Рождество-Богородицкой ц. ст. Курчанской урядн. Тимофѣй Гноевскій;

при Михаило-Архангельской ц. ст. Кабардинской каз. Сила Поповичъ, 25 февраля;

и при Казанской ц. ст. Дербентской каз. Трофимъ Отришко, 26-го февраля;

при Николаевской ц. стан. Каменнобродской-каз. Иуда Горяиновъ, на 2-е трехлѣтіе;

при Александрo-Цевской ц. стн. Дядьковской-Аптоній Тилушинъ;

при ц. стан. Приморско-Ахтарскоѣ Іоаннъ Лукашенко, и
при ц. стан. Смоленскоѣ каз. Симеонъ Аверинъ, 5-го марта.

Возстановленъ въ должности церковнаго отаросты при
ц. хут. Кармалинскаго каз. Василій Дулинъ, 1-го мар-
та.

II.

И з в ѣ с т і я .

Архіерейскія служенія.

7-го сего марта, въ недѣлю Православія, Его Высоко-
преосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Агаѳодоръ,
Архіепископъ Ставропольскій и Екатеринодарскій, совер-
шалъ божественную литургію въ Ставропольскомъ Кафе-
дральномъ соборѣ. За литургією посвящены въ стихарь:
псаломщикъ сего собора Леонидъ Самецкій и воспитанникъ
VI класса семинаріи Сергѣй Каневскій. Проповѣдь за ли-
тургією произнесъ епархіальный миссіонеръ, протоіерей
С. Никольскій. Послѣ литургіи былъ совершенъ положен-
ный въ недѣлю Православія молебенъ.

28-го февраля, въ воскресеніе, Его Преосвященство,
Преосвященнѣйшій Іоаннъ, Епископъ Ейсскій, совершалъ
въ Екатеринодарскомъ Александро-Невскомъ соборѣ бо-
жественную литургію, а послѣ оной панихиду по въ Бо-
зѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II-мъ. За литур-
гією проповѣдь произнесъ Его Преосвященство.

1, 2, 3 и 4 сего марта на великомъ повечеріи Его
Преосвященство, Преосвященнѣйшій Іоаннъ, Епископъ
Ейсскій, читалъ канонъ Св. Андрея Критскаго въ Екатери-
нодарскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, а 3-го и 5 мар-
та совершалъ литургіи Пржедосвященныхъ даровъ. 5-го

марта за литургією былъ рукоположенъ въ санъ діакона законоуч. Кубанской учительской семинаріи Воишатій Соколовъ.

7-го марта, въ воскресенье, Его Преосвященство совершалъ божественную литургію въ Екатеринодарскомъ Александро-Невскомъ соборѣ. За литургією былъ рукоположенъ въ санъ священника діаконъ Воишатій Соколовъ. Проповѣдь была произнесена священникомъ Екатерининской г. Екатеринодара церкви о. Павломъ Четыркинымъ.

Объ освященіи храмовъ.

27 минувшаго февраля освященъ новоустроенный на хуторѣ Кисlichemъ села Петровскаго храмъ во честь Пресвятыя Богородицы.

О присоединеніи къ православію.

Присоединены къ православію: 3-го января с. г. причтомъ Николаевской церкви стан. Усть-Лабинской дочь казака названной станицы дѣвица Стефаніла Андреева Разцвѣтаева, 22 лѣтъ, изъ раскола астрійскаго толка; 14-го минувшаго февраля священникомъ стан. Приморской Николаемъ Ивановскимъ изъ раскола поморскаго толка дочь мѣшанина г. Александро-Грушевскаго Марфа Алексѣева Рыжкова, 21 года.

О преподаніи Архипастырскаго благословенія

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Агаѳодоромъ, Архіепископомъ Ставропольскимъ и Екатеринодарскимъ, преподано Архипастырское благословеніе казаку стан. Платнировской Василію Пятакъ за пожертвованіе иконы „Бичеваніе Спасителя“ и гвардейцамъ-станичникамъ за пожертвованіе иконы св. муч. Геродея.

По представленію благочиннаго 4 округа Кубанской области, священника А. Акимова, лицамъ, сдѣлавшимъ

пожертвованія въ церкви названнаго округа, о которыхъ напечатано въ № 10 Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Агаѳодоромъ, Архіепископомъ Ставропольскимъ и Екатеринодарскимъ, преподано Архипастырское благословеніе,—съ выдачею на сіе грамотъ уряднику Захарію Бѣляеву и казaku Пантелеимону Шрамъ, 10 марта.

Отъ Совѣта Ставропольскаго Епархіальнаго Семинарскаго Общежитія.

Въ силу журнальныхъ постановленій Епархіальнаго Съѣзда духовенства отъ 23-го мая 1908 года за № 136 и отъ 13—15 іюня 1909 года за № 20, утвержденныхъ резолюціями Его Высокопреосвященства за № № 1859 и 2230, причитающіеся за содержаніе въ Общежитіи пансіонеровъ взносы должны поступать заблаговременно, въ началѣ каждой трети учебнаго года. Въ силу же резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 23-го февраля сего 1910 года за № 506, послѣдовавшей на докладѣ Совѣта Общежитія отъ 18 того же февраля за № 66, взносы за содержаніе пансіонеровъ въ Общежитіи въ теченіи послѣдней трети текущаго учебнаго года должны быть представлены родителями въ Общежитіе *къ 1-му апрѣля сего года.*

Къ сему присовокупляется, что ввиду того же доклада Совѣта Общежитія, каждый пансіонеръ пробывшій въ Общежитіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ хотя—бы въ теченіи 2—3-хъ дней будетъ считаться уже находящимся въ Общежитіи въ продолженіе всей послѣдней трети, а слѣдовательно и будетъ обязанъ внести за всю ту треть слѣдующую Общежитію плату полностью въ размѣрѣ 30 рублей.

О семъ постановленіи пансіонерамъ Епархіальнаго Общежитія уже объявлено.

Совѣтъ Епархіальнаго Семинарскаго Общежитія, доводя о вышепроеписанномъ до свѣдѣнія родителей дѣтей-воспитанниковъ мѣстной духовной семинаріи, содержащихся

въ названномъ Общежитіи, покорнѣйше просить всѣхъ, до кого сіе относится, обезпокоиться о скорѣйшей высылкѣ Общежитію причитающихся за апрѣльскую треть взносовъ.

Отъ Благодарненскаго Отдѣленія Ставропольскаго Епарх. Учид. Совѣта.

Протокольнымъ опредѣленіемъ Благодарненскаго Отдѣленія отъ 24 февраля сего года выражается благодарность: 1) инспектору Благодарненскаго городского училища Василию Θεодоровичу Ефремову за пожертвованіе десяти (10) рублей, половинный сборъ со спектакля, на пополненіе бібліотеки для внѣкласснаго чтенія Благодарненской тюремной церковно-приходской школы; 2) г. земскому начальнику 2-го участка Благодарненскаго уѣзда Георгію Александровичу Θεодосьеву за изысканіе одиннадцати (11) рублей на пополненіе бібліотеки для внѣкласснаго чтенія Винодѣлинской церковно-приходской школы при Рождество-Богородицкой церкви.

Отъ Ейскаго Отдѣленія Ставропольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Ейское отдѣленіе Ставропольскаго епархіальнаго училищнаго совѣта протоколомъ своимъ 29-го января 1910 года, за № 1, статья 2-я, утвержденнымъ резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Ейскаго, Викарія Ставропольской епархіи, 17-го февраля 1910 года, за № 1934, постановило:

„Выразить благодарность отъ имени Отдѣленія обществу станицы Привольной за пожертвованіе десяти тысячъ кирпича для обкладки наружныхъ стѣнъ зданія Привольной церковно-приходской школы“.

Журналы съѣзда духовенства казачьяго происхожденія въ г. Екатеринодарѣ.

Актъ объ избраніи предсѣдателя и дѣлопроизводителя. 1909 года декабря 28 дня. Кубанское казачье духовенство Ставропольской епархіи, собравшись на съѣздъ въ г. Екатеринодарѣ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, производило выборы изъ своей среды предсѣдателя и дѣлопроизводителя, при чемъ избранными оказались: предсѣдателемъ протоіерей о. Созонтъ Мищенко и дѣлопроизводителемъ священникъ Михаилъ Конограй.

Резолюція Его Преосвященства, Преосвященнаго Іоанна, Епископа Ейскаго, отъ 28 декабря 1909 г. № 32: „Утверждается“.

Журналъ № 1, о стипендіи имени Государя Императора. 1909 года декабря 28 дня. Съѣздъ Кубанскаго казачьяго духовенства Ставропольской епархіи въ вечернемъ своемъ за сѣданіи въ г. Екатеринодарѣ занимался обсужденіемъ вопроса о необходимости учрежденія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархіи стипендіи имени Государя Императора Николая Александровича въ память Высочайше дарованной милости казачьему духовенству, заключающейся въ подтвержденіи и возстановленіи его казачьихъ правъ, при чемъ единогласно постановили: 1) учредить стипендію имени Его Величества, Государя Императора Николая Александровича, на которую должны воспитываться дѣти простыхъ казаковъ, поступающихъ въ духовное училище, а за отсутствіемъ таковыхъ дѣти казачьяго духовенства епархіи съ тѣмъ, чтобы воспитанникъ, получившій эту стипендію, воспитывался на нее во все время своего ученія и въ духовномъ училищѣ и въ духовной семинаріи; 2) если послѣ предоставленія стипендіи, вѣлѣдствіе отсутствія дѣтей простыхъ казаковъ, сыну одного изъ священно-церковно-служителей казачьяго происхожденія поступить въ духовное училище сынъ простого казака, то учреждаемая стипендія должна быть

предоставлена немедленно этому послѣднему; 3) на учрежденіе стипендіи установить ежегодные взносы съ каждаго казачьяго земельного пая, принадлежащаго члену казачьяго духовенства, по два рубля до тѣхъ поръ, пока не соберется достаточная сумма, которая давала бы двѣсти рублей въ годъ 0/0; 4) очередные взносы черезъ о.о. благочинныхъ дѣлать ежегодно къ 1 ноября въ Правленіе Екатеринодарскаго духовнаго училища и 5) право распоряженія предоставленіемъ этой стипендіи предоставить Правленію Екатеринодарскаго духовнаго училища на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

Резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Ейскаго, отъ 30 января 1910 г. № 141: „*На благоусмотрѣніе Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа*“.

Резолюція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 9 января 1910 г. № 144: „*Утверждается*“.

Журналь № 2 о поднесеніи адреса и иконы Его Величеству. 1909 года декабря 28 дня. Съѣздъ Кубанскаго казачьяго духовенства Ставропольской епархіи въ вечернемъ своемъ засѣданіи, обсудивъ текеть адреса для поднесенія Его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Александровичу, постановилъ: 1) избрать для поднесенія этого адреса въ число представителей отъ Кубанскаго казачьяго духовенства протоіерея о. Созонта Мищенко, священника о. Терентія Уколова; 2) просить своихъ представителей при поднесеніи адреса повергнуть къ стопамъ Его Величества чувства безпредѣльной преданности Кубанскаго казачьяго духовенства своему Монарху Самодержцу, Матушкамъ Царицамъ, Своему Августѣйшему Атаману и всему Царствующему дому; 3) вмѣстѣ съ адресомъ поднести Его Величеству отъ имени Кубанскаго казачьяго духовенства икону-складень съ изображеніемъ Спасителя нашего, Господа Іисуса Христа, храмъ котораго (во имя Спаса Межигорска-

го) былъ у его предковъ запорожцевъ, Святителя и Чудотворца Николая и Св. Царицы Александры; 4) уполномочить вышеозначенныхъ представителей поднести Августѣйшему Атаману казачьихъ войскъ, Наслѣднику Цесаревичу, Великому Князю Алексѣю Николаевичу—альбомъ фотографическихъ карточекъ Кубанскаго казачьяго духовенства.

Резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Ейскаго, отъ 3 января 1910 г.: *„На благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства“*.

Резолюція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 9 января 1910 г.: *„Утверждается, кромѣ 4 п. постановленія сею журнала. Въмѣсто альбома фотографическихъ карточекъ Кубанскаго казачьяго духовенства всею лучше представить Его Высочеству, Августѣйшему Атаману казачьихъ войскъ, Наслѣднику Цесаревичу, Великому Князю Алексѣю Николаевичу альбомъ снимковъ: города Екатеринодара, войскового собора и его древностей, памятника Императрицѣ Екатеринѣ II, церквей и церковныхъ школъ, при которыхъ служитъ духовенство и трудится на пользу казачества“*.

Журналъ № 5, о необходимости періодическихъ сѣздовъ казачьяго духовенства. 1910 года декабря 28 дня. Сѣздъ Кубанскаго казачьяго духовенства Ставропольской епархіи въ вечернемъ своемъ засѣданіи, обсудивши заявленіе нѣкоторыхъ участниковъ сѣзда о необходимости періодическихъ сѣздовъ казачьяго духовенства епархіи для разрѣшенія различныхъ выдвигаемыхъ жизнью вопросовъ, касающихся его быта, единогласно постановилъ: почтительнѣйше просить ходатайства Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Ейскаго, Викарія Ставропольской епархіи, передъ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Агаѳодоромъ, Архіепископомъ Ставропольскимъ и Екатеринодарскимъ, о разрѣшеніи Кубанскому казачьему духовенству епархіи ус-

траивать періодически, по мѣрѣ надобности, свои сѣзды для разрѣшенія могушихъ возникнуть различныхъ вопросовъ его жизни.

Резолюція Его Пресвященства, Пресвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Ейскаго, отъ 3 января 1910 г.: „На благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства“.

Резолюція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 9 января 1910 г.: „Кубанскому казачьему духовенству устраивать періодическіе сѣзды разрѣшается; но не иначе, какъ каждый разъ съ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея. При испрошеніи разрѣшенія сѣзда должны быть указаны и тѣ вопросы, какіе будутъ подлежать рассмотрѣнію сего сѣзда“.

Журналъ № 6, объ избраніи исполнительнаго и ревизіоннаго комитетовъ. 1909 года декабря 29-го дня. Сѣздъ казачьяго духовенства Ставропольской епархіи въ дневномъ засѣданіи избралъ въ составъ комитета по выполненію постановленій настоящаго сѣзда предсѣдателемъ протоіерея о. Созонта Мищенко, дѣлопроизводителемъ преподавателя духовнаго училища Пазла Евтропѣевича Трезвинскаго, казначесмъ священника Іоанна Михайловскаго и членомъ комитета священника Павла Бирюкова, и въ ревизіонный комитетъ священниковъ: Михаила Конограй, Александра Ооменко и Филиппа Шамрай, каковому комитету исполнительный комитетъ долженъ представить отчетъ ко второму полугодію 1910 года.

Резолюція Его Пресвященства, Пресвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Ейскаго, отъ 3 января 1910 года: „Утверждается“.

О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

Вакаптными состоятъ мѣста:

І. а) *Священническія*: 1) при Ачуевскомъ рыболовномъ заводѣ, Куб. обл. (причтъ 2-чл., казенное жалованье свящ.

300 р., для временнаго пребыванія священника домъ о 2-хъ комнатахъ, населенія 148 д. об. п.).

2) при церкви хут. Владимірскаго, Куб. обл. (причтъ 3-чл., насел. 1878 д. об. п., дворовъ 236, кварт. обществ., зем. над. свящ. 43 дес., отъ ст. „Мирская“—24 в.).

3) 2-е при ц. ст. Николаевской, Куб. обл. (насел. 3760 д. об. п., двор. 473, причтъ пятичл., земли свящ. 52 дес., кварт. наемн., отъ ст. „Кононово“ 15 вер.

4) 1-е мѣсто при цер. ст. Ахганизовской, Куб. обл. (двор. 413, причт. трехчл., земли свящ. 38 дес., кварт. общ., отъ г. Темрюка—22 вер.).

5) при ц. села Правокумскаго, Праск. уѣзда (насел. 5340 д. об. п., двор. 685, причтъ 5-член., зем. над. свящ. 18 дес., кварт. пособ. 100 р., отъ с. Прасковей—10 в.).

6) при ц. с. Султановскаго, Алекс. уѣзда (насел. 6591 д. об. п., двор. 818, причтъ 2 свящ. діак. и 2 псаломщ., отъ ст. „Курсавка“ 12 верстѣ, земли свящ. 29 дес., кварт. церковная.

7) 1-е мѣсто при ст. Незамаевской, Куб. обл. (насел. 8819 д. об. п., двор. 1095, причт. 7 член., зем. над. свящ. 56 дес., кв. соб., разстояніе отъ ст. „Леушковская“ 30 верстѣ).

8) 3-е мѣсто при ц. села Воронцово-Николаевскаго, Медв. уѣзда (прихож. 8310 д. об. п., зем. над. причту 148 д.).

9) при Николаевской церкви гор. Екатеринодара (на Дубинкѣ) (причтъ пятичл., дворовъ 553, прихожанъ 2933 д. об. п., кварт. наемн.

10) при ц. ст. Безкорбной, Куб. обл. (причтъ 2 шт., насел. 5736 д. об. п., земли свящ. 30 дес., кварт. наем., отъ ст. „Николаевской“ 25 вер.).

11) 2-е мѣсто при Успенской ц. ст. Кореновской, Куб. обл. (насел. 5550 д. об. п., двор. 437, причтъ пятичл., земли изъ общаго юрта причталось свящ. по 32 дес.),

12) 1-е мѣсто при ц. села Новомихайловскаго, Куб. обл. (насел. 3558 д. об. п., двор. 454, причтъ пятичл., кварт. перк., отъ ст. „Отрадо-Куб.“ 14 в.).

б) *Діаконскія**) 1) при Михаило-Арханг. ц. стан. Псебайской, 14 благ. (насел. 3580 д. об. п. двор. 461, причтъ 3-член., земли причту 99 дес., квартиры вѣтъ, церк. школа, отъ станціи Коноково 175 в.).

2) при церкви села Предтеченскаго.

3) при ц. села Большой-Джалги, Ставроп. губ. (насел. 11087 д. об. п., двор. 13.6, причтъ 7-член., зем. над. діакону 33 дес., кварт. при школѣ).

4) при ц. ст. Невинномысскаго, Куб. обл. (насел. 7136, д. об. п., двор. 891, причтъ 7-член., зем. над. 45 дес., кварт. при церк. школѣ, жел. станція).

5) при ц. сел. Довскаго, Ставропольскаго уѣзда (насел. 10565 д. об. п., дворовъ 1174, причтъ семичл., зем. над. діак. 17 дес. отъ станціи „Изобильная“ 25 в.)

*) Согласно опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, назначаемые на діаконскія мѣста среди учебнаго года, съ 1 сентября, могутъ вступать въ отправленіе своихъ учительскихъ обязанностей лишь съ 1 сент. новаго учебнаго года, а до того времени обязаны уплачивать занимающемуся за нихъ въ школѣ учителю одну треть своихъ кружечныхъ доходовъ и уступать ему школьную квартиру.

I.

Ж. В. Гоголь,

какъ религіозно-нравственный мыслитель.

Души моей никто не можетъ знать, она доступна еще меньше вашей, потому что я даже не говоривъ.

Гоголь.

(Окончаніе).

Гоголь, выражаясь его словами, твердо говорилъ, „что Богъ не оставитъ того, кто молится, какъ бы ни слабы, и ни ничтожны были его молитвы. ¹⁾“.

Тѣмъ не менѣе онъ отличалъ молитвы болѣе сильныя, которыя возносятся лучшими людьми, умѣющими лучше молиться, отъ молитвъ болѣе слабыхъ. Чувствуя потребность въ укрѣпленіи и обновленіи силъ для созданія второго тома „Мертвыхъ Душъ“, онъ писалъ Смирновой: „Итакъ, молитесь обо мнѣ, другъ, молитесь крѣпко, просите молиться и всѣхъ тѣхъ, которые лучше насъ и умѣютъ лучше молиться, чтобы молились о томъ, дабы вся душа моя обратилась въ однѣ согласно настроенныя струны, и бряцалъ бы въ нихъ самъ Духъ Божій.“ ²⁾

Кромѣ качественной стороны, обусловливаемой достоинствомъ молящагося лица, онъ отличаетъ въ молитвѣ еще чѣсто количественную сторону, обусловливаемую напря-

¹⁾ Ibid. IV, 25.

²⁾ Ibid. III, 153.

женіемъ силы молящагося и частымъ повтореніемъ молитвы. Въ другомъ письмѣ къ той же Смирновой онъ пишетъ: „Молитесь же, другъ мой, крѣпко и крѣпко; какъ только можете молиться, такъ молитесь о мнѣ.“¹⁾ Онъ даже придумалъ особое средство возбуждать молитвенное настроеніе, если оно само не приходило. „Если же вамъ не молится, даетъ онъ совѣтъ Смирновой, учите буквально наизусть, какъ школьный ученикъ, тѣ псалмы, которые я вамъ оставилъ, и учите произносить ихъ съ силою, значеніемъ и выраженіемъ голоса, приличнымъ всякому слову.“²⁾ Но послѣднее мѣсто въ представленіи Гоголя имѣеть и то самое мѣсто, на которомъ совершается молитва. Особое значеніе въ этомъ отношеніи онъ придавалъ своей родной Васильевкѣ.

Прося передъ поѣздкой на Востокъ мать молиться о счастливомъ исходѣ этого путешествія, онъ пишетъ: „Во всё время, когда я буду въ дорогѣ, вы не выѣзжайте никуда и оставайтесь въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ.“³⁾ Само собою разумѣется, что еще выше Васильевки въ этомъ отношеніи былъ въ глазахъ Гоголя Христіанскій Востокъ.

Иерусалимъ, на примѣръ, казался ему мѣстомъ, гдѣ онъ чуть ли не прямо, непосредственно можетъ вступитъ въ бесѣду съ самимъ Богомъ для разъясненія волновавшихъ его тогда вопросовъ. „Путешествіе мое, сознавался онъ Шереметьевой, не есть простое поклоненіе; много, много мнѣ нужно будетъ тамъ обдумать у Гроба Самого Господа, и отъ Него испроситъ благословеніе на всё, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его небесныя стопы.“⁴⁾ Вообще,

¹⁾ Письма, III, 38.

²⁾ Ibid; 107.

³⁾ Письма, III, 255.

⁴⁾ Поѣздка Гоголя въ Иерусалимъ дѣйствительно осуществилась въ 1848 г., но цѣль ея не осуществилась; впечатлѣнія, вынесенныя Гоголемъ изъ этого путешествія, получились самыя неожиданныя. Вдохновенія свыше, которое надѣялся получать у гроба Господня, не получилъ.

Ibid, 244

ни о чемъ такъ горячо, такъ искренно не просилъ Гоголь своихъ друзей и знакомыхъ, какъ о молитвѣ. Особенно это слѣдуетъ сказать о письмахъ къ лицамъ женскаго пола, отъ которыхъ онъ, очевидно, скорѣе всего ждалъ отклика на свои душевные запросы. У него есть письма, писанныя съ спеціальною цѣлью молиться за него. Мало того. Передъ поѣздкой на Востокъ онъ даже сочинилъ и разослалъ друзьямъ молитву о себѣ, которую, подобно молитвѣ Господней, раздѣлилъ на семь прошеній. 1) Разсылая всѣмъ просьбу о молитвѣ, Гоголь, повидимому, придавалъ особенно большое значеніе именно тому, что много людей молятся за него, и на этомъ основывалъ надежду на то, что Богъ не оставитъ его Своими милостями. „Ему ли оставить меня, восклицаетъ онъ, „если я искренно молюсь Ему, молясь о томъ, чтобы умѣть Ему вѣчно молиться, и если много людей Ему угодныхъ и лучшихъ возносятъ за меня грѣшнаго жаркія молитвы?“ 2)

По мнѣнію профессора Завитневича, взглядъ Гоголя на молитву, если сравнить съ точкою зрѣнія на нее Хомякова, „который видѣлъ въ молитвѣ прежде всего проявленіе голоса любви человѣка къ Богу и ближнему,“ заключаетъ въ себѣ значительную долю „не только утилитаризма, но даже и эгоизма“. 3)

Признавая молитву необходимою въ жизни, Гоголь въ основаніе послѣдней полагаетъ любовь къ Богу и ближнему. Любовь къ ближнему онъ прямо называетъ „первымъ условіемъ“ христіанской жизни. 4) Утверждая, что любовь во Христа вѣчна, 5) онъ требовалъ, чтобы она непремѣнно была активна; 6) и видѣлъ въ ней единственный путь проникновенія въ душу человѣка для ока-

1) Письма, IV, 161—162.

2) Ibid, 436.

3) В. З. Завитневичъ. Ред.-пр. состоян. Гоголя въ послѣд. годы его жизни, 17.

4) Письма, II, 389.

5) Ibid, III, 370.

6) Ibid, II, 389, 416.

занія ему помощи. Требуя чуткаго и снисходительнаго отношенія къ природѣ другого человѣка, онъ въ одномъ письмѣ восклицаетъ: „Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока однимъ путемъ Божественной любви, а не чѣмъ-либо другимъ, не взойдешь, какъ нѣжнѣйшій братъ, въ душу своего брата, пока не узнаешь ее, какъ свою собственную, пока не почувствуешь, что находишься самъ въ этой душѣ, какъ бы въ родномъ и собственномъ своемъ тѣлѣ, до тѣхъ поръ будетъ безсильна наша душевная помощь“¹⁾.

Въ письмѣ къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, указавъ на то, какъ подъ воздѣйствіемъ апостольской проповѣди „всѣ люди стали одна семья и загорѣлась небесная любовь на землѣ“, Гоголь продолжаетъ: „Такъ должны и мы поступать, какъ поступали они.

Полюбя людей „любовью во Христѣ“—помогать имъ повсюду. Истинно христіанская помощь заключается не въ одномъ денежномъ подаваніи; это еще небольшая помощь. Избавить отъ нужды, холода, болѣзни и смерти человѣка, конечно, есть доброе дѣло; но избавить отъ болѣзни и смерти его душу есть въ нѣсколько разъ больше. Обратитъ преступника и грѣшника къ Господу — вотъ настоящая милостыня, за которую несомнѣнно можно надѣяться полученія небеснаго блаженства“²⁾.

Признавая въ заповѣди о любви сущность христіанства, видя въ исполненіи ея средство къ достиженію „небеснаго блаженства“, Гоголь въ то же время смотрѣлъ на нее, какъ на единственно вѣрный источникъ земнаго счастья. „Всѣ наслажденія наши“, говоритъ онъ, „заключены въ жертвованіяхъ. Счастье на землѣ начинается только тогда для человѣка, когда онъ, позабывъ о себѣ, начинаетъ жить для другихъ, хотя мы въ началѣ думаемъ совершенно тому противоположно, вслѣдствіе какого-то оптическаго обмана, который опрокидываетъ предъ нами

¹⁾ Письма, II, 424.

²⁾ Письма, II, 419.

вверхъ ногами настоящій смыслъ“¹⁾. Такъ-какъ въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія любовь къ ближнему ставится въ причинную связь съ любовью къ Богу, то и Гоголь любовь къ ближнимъ понимаетъ неразрывно связанной съ любовью къ Богу. „Любовь Божія“, говоритъ онъ, „такъ безгранично—безмѣрна къ людямъ, что если бы мы прозрѣвали поглубже въ смыслъ всѣхъ совершающихся съ нами событій, то, вѣроятно, вся жизнь наша обратилась бы въ однѣ слезы благодарности“²⁾. За такую безгранично-безмѣрную любовь Божию человѣкъ естественно долженъ платить взаимною любовью, которая должна доходить до забвенія всѣхъ земныхъ привязанностей³⁾.

И, вотъ, такую то любовь Гоголь и любилъ людей; а любя ихъ, желалъ добра. „Въ моемъ сердцѣ“, говоритъ онъ, „обитало всегда желаніе добра, изъ за него я и взялся за перо...: Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ“⁴⁾. Стремясь къ высокому, идеальному, Гоголь горѣлъ пламенною любовью къ своей родинѣ и своимъ соотечественникамъ. Скорбя о нравственныхъ ранахъ своей родины, онъ стремился къ исцѣленію ихъ и облегченію страданій людскихъ. А чтобы понимать страданія людей, нужно прежде самому ихъ пережить, испытать.

„Стоить только“, говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Шевыреву 1846 г., „хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятными и почти знаешь, что нужно сказать имъ“⁵⁾.

И Гоголь съ этою цѣлью проходитъ тернистый путь скорбей и болѣзней и среди нихъ находитъ отраду и свое призваніе. Нравственное состояніе современнаго ему общества не удовлетворяло Гоголя. Его поражалъ прежде

1) Ibid, II, 418.

2) Письма, II, 415.

3) Ibid, 313.

4) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Изд. Маркса, 38.

5) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. 73.

всего упадокъ духовной нравственной силы, христіанской любви, — упадокъ, прикрытый утонченными формами общезжитія. Видя все это, Гоголь ставитъ себѣ задачею — воспитать, обновить русское общество. Но эта дѣятельность требуетъ отъ него самого надлежащаго воспитанія и подготовки и налагаетъ на него тяжкую отвѣтственность. Вотъ почему Гоголь сталъ такъ требователенъ къ себѣ. „Позаботься прежде о себѣ, а потомъ о другихъ; стань прежде самъ почище другихъ, а потомъ уже старайся, чтобы другіе были чище“ ¹⁾. Этотъ трудный процессъ духовнаго самовоспитанія Гоголь пережилъ и результатами его задумалъ подѣлиться съ обществомъ. Онъ это и сдѣлалъ, издавъ (1847 г.) въ свѣтъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, которыя Гоголь называетъ „душевною исповѣдью“.

Эта книга не мало удивила читающую публику, предъ которою Гоголь вдругъ открылъ весь свой внутренній міръ, до того времени тщательно скрываемаго авторомъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ отъ постороннихъ глазъ и извѣстный лишь немногимъ особенно близкимъ ему лицамъ.

Вдумываясь въ тогдашнее душевное состояніе Гоголя и вчитываясь въ данныя имъ объясненія побужденій къ изданію этой книги, можно признать, кажется, что имъ руководило въ этомъ случаѣ двойное соображеніе. Во-первыхъ, ему хотѣлось вывести общество изъ состоянія нравственной апатіи и указать ему нѣкоторыя высшія нормы жизни взамѣнъ „всѣхъ тѣхъ идеаловъ, которые“, какъ выражается самъ Гоголь, „напичкали въ головы французскіе романы“ ²⁾.

Не надѣясь, конечно, переродить общество этою своею книгою, онъ хотѣлъ „только поселить посредствомъ ея въ головѣ идеаль возможности дѣлать добро, потому что

¹⁾ Выбор. мѣста изъ переп. съ друз. 75.

²⁾ Письма, III, 367—368.

есть много истинно доброжелательныхъ людей, которые устали отъ борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сдѣлать. Идею возможности, хотя и отдаленную нужно носить въ головѣ, потому что съ ней, какъ со свѣтильникомъ, отыщешь что нибудь дѣлать, а безъ нея вовсе останешься въ потьмахъ“¹⁾. Во-вторыхъ, посредствомъ этой книги Гоголь хотѣлъ опредѣлить, какъ онъ выражается, „въ какомъ состояніи находятся головы и души“; онъ надѣялся „возбудить ею тѣ разговоры и толки въ обществѣ, влѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были высказаться многія ему пезнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка“, которыя онъ хотѣлъ „взять къ соображенію, чтобы не попасть въ разные промахи при сочиненіи той книги, которая должна быть вся природа и правда“²⁾.

Надежды, возлагаемыя на „Переписку съ друзьями“, какъ извѣстно, не оправдались. Въ пріемѣ, оказанномъ книгѣ обществомъ, Гоголь увидѣлъ полное свое „пораженіе“, настоящую „оплеуху“. Книга вызвала очень рѣзкое и всеобщее осужденіе. С. Т. Аксаковъ еще до выхода книги объявляетъ: „Все это ложь, дичь и нелѣпость, и если будетъ напечатано, сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи“³⁾. Самымъ яркимъ выразителемъ того враждебнаго отношенія, озлобленія и раздраженія, которое обнаружилось по отношенію къ автору „Переписки съ друзьями“ и „Исповѣди“ служить безпримѣрное по силѣ, страстности и отчаянію человѣка, лучшія надежды котораго внезапно и безнадежно рухнули, письмо Б. Г. Бѣлинскаго: „Я читалъ и перечитывалъ вашу книгу сто разъ, и все таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть; а то, что въ ней есть, глубоко

¹⁾ Ibid.

²⁾ Письма, III, 367, 422; ср. 114 и др.

³⁾ Церковный Вѣстникъ № 12 мѣс. мартъ 1909 г.

возмутило и оскорбило душу. Если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься истинно-великихъ произведеній, то теперь вы должны съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжелый грѣхъ ея изданія искупить новыми твореніями, которыя наполнили бы ваши прежнія“... „Гоголь-совѣмъ не К. С. Аксаковъ. Это—Талейранъ, кардиналь Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ сатану“¹⁾. Бѣлинскій называетъ Гоголя „проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія“. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ (отъ 10 августа 1847 г.) на это письмо Бѣлинскаго Гоголь признается, что „на него разсердились все до единого въ Россіи. „Восточные, западные, нейтральные—все огорчились“.

Только весьма немногіе, близко знавшіе его душу, умѣвшіе полюбить въ немъ не только „драгоценный сосудъ, который заключалъ великій даръ творчества“, но и рѣдкаго, хотя и совершенно особеннаго по своимъ внутреннимъ качествамъ человѣка, остались ему вѣрны до гроба и горячими слезами оплакивали его, какъ друга. Со стороны же другихъ грома и молніи разразились надъ головою Гоголя. Со всехъ сторонъ посыпались упреки и насмѣшки надъ нимъ. Каково послѣ этого должно быть душевное состояніе великаго писателя, всю жизнь положившаго на одну великую цѣль, неустанно работавшаго надъ внутреннимъ самоусовершенствованіемъ, жадно искавшаго тѣхъ истинъ, которыя повѣдать міру. Онъ считалъ своимъ таинственнымъ назначеніемъ, когда онъ, по его убѣжденію, приготовилъ свою душу къ воспріятію истины, позналъ ее,—и вдругъ почувствовалъ свое безсиліе повѣдать ее міру тѣмъ языкомъ, которымъ онъ только и умѣлъ говорить—образами? „Какъ у меня еще совѣмъ не закружилась голова, говоритъ Гоголь,

¹⁾ Церковный Вѣстникъ № 12 мѣс, мартъ 1909 г. «Памяти Гоголя» стр. 362.

какъ я не сошелъ съ ума отъ всей этой безтолковщины —этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Тяжело очутиться въ этомъ вихрѣ недоразумѣній! Вижу, что мнѣ нужно надолго отказаться отъ пера и отъ всего удалиться“.

Но справедливы ли, спрашивается, были всѣ нападки современниковъ на Гоголя, приведшіе его въ такое поистинѣ трагическое состояніе?

Правильное рѣшеніе этого вопроса даетъ намъ прежде всего самъ Гоголь, указывая мотивы изданія „Переписки съ друзьями“, а затѣмъ изслѣдованія такихъ видныхъ профессоровъ, какъ напр., Шенрокъ, Пыпинъ и нѣкот. др. Изданіемъ своей „Переписки“ Гоголь хотѣлъ, во первыхъ, подѣлиться съ публикой результатами своего умственного и нравственного усовершенствованія.

„Я не считалъ ни для кого соблазнительнымъ“, пишетъ онъ въ своей „Исповѣди“, „открыть публично, что я стараюсь быть лучшимъ, чѣмъ я есмь. Я не нахожу соблазнительнымъ томиться и сгорать явно, въ виду всѣхъ, желаніемъ совершенства, если сходилъ затѣмъ Самъ Сынъ Божій, чтобы сказать намъ всѣмъ: „Будьте совершенны такъ, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“¹⁾. Другою причиною изданія въ свѣтъ его „Переписки“, какъ онъ пишетъ къ Россети, было и то, „чтобы поучиться, а не поучить“. Отсюда и на „Переписку“ Гоголь смотрѣлъ, какъ на подготовительную работу ко второму тому „Мертвыхъ душъ“. На этотъ томъ онъ возлагалъ большія надежды; въ немъ онъ надѣялся показать обществу „нынѣшняго“ себя. Опредѣляя этого „нынѣшняго“ себя, онъ выражался, что теперешнее его дѣло есть „душевное дѣло“, что уже его „душа слышитъ свѣтъ“, и что когда этотъ свѣтъ воплотится въ художественныхъ образахъ, то свѣтло будетъ и во всѣхъ душахъ, омраченныхъ сомнѣніями и недоразумѣніями, и „тогда уяснятся глаза мно-

1) Автор. Исп. 30.

гихъ“. Но пока все это не совершилось, онъ просилъ одного терпѣнія и довѣрія къ автору, который не въ силахъ предупредить то, что должно совершиться въ свое время“¹⁾. Но современники Гоголя не проявили ни терпѣнія, ни довѣрія къ нему. Не понявъ цѣлей изданія „Переписки“, они обратились на голову страдальца-писателя жестокими упреками, грозными обличеніями, клеймили язвительными насмѣшками, презрѣніемъ и, наконецъ, прочитали ему обвинительный приговоръ. Журналисты, напавъ на лирическія отступленія, увидѣли въ нихъ „признаки самонадѣянности, самохвальства и гордости, доселѣ еще не слыханной ни въ одномъ писателѣ“²⁾.

Кромѣ этого, современники обвиняли Гоголя въ „ханжествѣ“, „лицемѣріи“, „сумашествіи“, а въ „Перепискѣ“ его не усматривали ничего больше бреда, спятквашаго съ ума человѣка. Всѣ эти обвиненія исходили изъ поверхностнаго отношенія къ его книгѣ и непониманія Гоголя. Обвиняя Гоголя въ гордости и самообольщеніи, современники придирались къ однимъ „словамъ“, а не къ смыслу и духу сочиненія“, и не видѣли въ ней исповѣди: „изліянія и души и сердца“ автора³⁾.

Нельзя, конечно, сказать того, чтобы сужденія современныхъ Гоголю критиковъ были вовсе уже несправедливы,—нѣтъ, въ нихъ есть и значительная доля правды, какъ мы потомъ увидимъ.

Все же: „по адресу человѣка, выстрадавагося въ тяжкомъ подвигѣ покаянія и самовоспитанія, упреки въ высокомѣріи, самомнѣніи, гордости и презрѣніи къ людямъ, оставаясь, по существу, возможными, оказываются ненужными и звучать фальшиво“⁴⁾. Книга Гоголя („Переписка“) не была безупречна; въ ней наравнѣ съ досто-

1) З. З. Завитневичъ. Рел.-прав. состоян. Гоголя въ послѣдн. годы его жизни, 85.

2) Автор. Исп. 21—22.

3) Тоже.

4) Овсянко-Куликовскій. «Рѣчь» № 77.

инствами есть и недостатки. И Гоголь самъ сознавалъ эти недостатки, равно какъ и свои собственные. Онъ сознавалъ, что съ искреннимъ сознаниемъ своихъ недостатковъ у него встрѣчается высокое мнѣніе о своихъ достоинствахъ; смиреніе—и рядомъ съ нимъ гордость; „упреки другимъ въ томъ, на чемъ поскользнулся самъ“. Онъ сознается, что „горить отъ стыда“, вспоминая, какъ запоспешиво выразился во многихъ мѣстахъ, почти *à la* Хлестаковъ. Но, признавая все эти недостатки, Гоголь утверждаетъ, что его книга „есть вѣрное зеркало человѣка... Въ ней находитея то же, что во всякомъ человѣкѣ: прежде всего желаніе добра, создавшее самую книгу.... Словомъ, то же, что въ каждомъ человѣкѣ, съ той только разницей, что здѣсь слетѣли все условія и приличія и все, что только внутри человѣка, выступило наружу; ударилось ярче все въ глаза, какъ въ человѣкѣ, получившемъ на долю больше способностей сравнительно съ другимъ человѣкомъ“ ¹⁾. Сознаніе Гоголемъ своихъ недостатковъ уже говоритъ за то, что онъ не былъ гордъ и самонадѣянъ, на чемъ особенно настаивали его современники. Затѣмъ если и было у Гоголя сомнѣніе, то оно развилось подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія, на которое онъ постоянно ссылается. „Въ жизни Гоголя“, говоритъ проф. Н. И. Петровъ, „если и была полоса нравственнаго самообольщенія, то она не служила проявленіемъ духовной гордости, закоренѣлой въ своемъ упорствѣ и неспособной къ исправленію, а была только результатомъ малоопытности его въ духовной жизни“ ²⁾.

Современники единогласно почти рѣшили, что съ выходомъ въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“ въ Гоголь про-

1) Автор. Исп. 18.

2) Проф. Н. И. Петровъ. Новые матеріалы для изученія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Н. В. Гоголя. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1902 г. мѣсь. іюнь. 302.

явился „переломъ“²⁾, понимаемый въ смыслѣ уклоненія совершенно на противоположный путь тому, на какомъ онъ стоялъ, что онъ взялся не за свое дѣло и тѣмъ загубилъ свой художественный талантъ.

Постараемся поэтому разобраться въ этихъ сужденіяхъ современниковъ о Гоголѣ.

Душевный переломъ въ жизни Гоголя сталъ литературнымъ трюизмомъ. По былъ ли, спрашивается, „переломъ“ у Гоголя въ томъ смыслѣ, какъ понимали его современники?

По собственному признанію Гоголя такого перелома у него не было. Онъ никогда не мѣнялся въ своихъ внутреннихъ убѣжденіяхъ, а оставался всегда однимъ и тѣмъ же; всю жизнь преслѣдовалъ одну и ту же цѣль. „Дѣло у меня то же, говоритъ Гоголь, „какое и было всегда и о которомъ замышлялъ еще въ юности, хотя не говорилъ о томъ, чувствуя безсиліе свое выразаться ясно и понятно (всегдашняя причина моей скрытности)“²⁾. „Я не совращался съ своего пути“, говоритъ Гоголь въ „Авторской Исповѣди“. „Я шель тою же дорогою. Предметъ у меня былъ одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ—жизнь, и не что другое“³⁾.

„Въ его внутренней жизни не было рѣзкаго перелома; его душевная исторія развивалась по своимъ внутреннимъ законамъ; тѣ начала и предрасположенія, которыя въ ней были заложены, и его физическія и моральныя страданія только обострили и ускорили этотъ процессъ“⁴⁾.

Такого же точно мнѣнія держатся: проф. Шенрокъ⁵⁾,

1) Великій «переломъ» въ Гоголѣ начался съ отбѣздомъ его за границу въ началѣ іюня 1836 г. послѣ постановки на сценѣ «Ревизора».

2) Письма, II, 414. Письма Данилевскому.

3) Автор. Исп. 31.

4) Проф. И. А. Линниченко. Душевная драма Гоголя. 1902, 9.

5) Шенрокъ. IV. 671.

проф. Пыпинъ ¹⁾, проф. Завитневичъ ²⁾, проф. Овсяннико-Куликовскій ³⁾, Скабичевскій ⁴⁾, проф. свящ. Н. Сетелецкій ⁵⁾, проф. Лавровскій ⁶⁾.

Сначала у Гоголя был преимущественно интересъ къ художественному воплощенію жизни, а потомъ стремленіе осмыслить и понять жизнь, главнымъ образомъ, какъ религіозную и этическую проблему: „Человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще.... И пришелъ къ тому, Кто есть источникъ жизни“.

Что касается того мнѣнія, что Гоголь, вставъ на религіозно-нравственный путь, загубилъ этимъ свой художественный талантъ, то такого рода мнѣніе является не совсемъ вѣрнымъ. Для уясненія его необходимо прежде всего рѣшить такой вопросъ: противорѣчило ли нравственно-религіозное и мистическое настроеніе поэта его художественному творчеству или же, напротивъ, являлось для послѣдняго факторомъ содѣйствующимъ? Этотъ вопросъ и рѣшаетъ профессоръ Овсяннико-Куликовскій.

Онъ раскрываетъ, что величіе Гоголя, какъ художника-сатирика существенно обусловлено его религіозно-моральными стремленіями и его мистицизмомъ. Художникъ-сатирикъ оцѣниваетъ дѣйствительность съ точки зрѣнія какого-нибудь идеала, но, конечно, чѣмъ выше идеаль стоитъ надъ дѣйствительностью, тѣмъ глубже захватъ сатиры: юморъ превращается въ безприщипное зубоскальство, если идеаль сатирика не превышаетъ точки зрѣнія

1) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. IV. 187.

2) В. З. Завитневичъ. 22—23.

3) Овсяннико-Куликовскій. «Рѣчь» № 77 1999 г.

4) Скабичевскій. Сочиненія. I, 721 стр. II, конецъ 338.

5) Сетелецкій. Рел.-нрав. міросозерцаніе Гоголя.

6) Труды. Кіев. Дух. Акад. 187.

7) Лавровскій. Извѣстія Нѣжин. филологич. Института. 1882 г.

банальной, ходячей морали. Откуда Гоголь могъ взять этотъ идеаль? По складу своей природы онъ далеко стоялъ отъ вопросовъ общественнаго и политическаго самосознанія, а равно и чуждъ былъ и идей, волновавшихъ философскую мысль Европы въ 20—40 г.г. прошлаго вѣка: душѣ его сродны были „религіозное возбужденіе, мистическій порывъ, жажда „небесной родины“.

По мнѣнію проф. Овсянко-Куликовскаго, на долю этого идеала именно и слѣдуетъ отнести то глубокое и сильное, что захватываетъ насъ въ сатиру Гоголя. Если бы Гоголь не жилъ интенсивною религіозною жизнью, если бы онъ не былъ моралистомъ и не имѣлъ мистическихъ предрасположеній, „Мертвыя души“ много потеряли бы въ глубинѣ, силѣ и скорби, и картина Руси, въ нихъ начертанная, не произвела бы столь потрясающаго впечатлѣнія на лучшихъ людей эпохи, а для насъ, ихъ потомковъ, не служила бы вѣчною книгою скорбнаго раздумья и освѣжающаго смѣха“ ¹⁾. Если „Мертвыя души“ вышли гениальною книгою, полною глубокаго смысла, великою поэмою горькаго смѣха и скрытыхъ слезъ, то это потому, что природная „душевная глубина“, какою обладалъ Гоголь, была усугублена высокими религіозно-моральными стремленіями его духа, его „душевымъ дѣломъ“, мистическимъ религіознымъ подъемомъ. Живя въ Римѣ, гдѣ онъ и окончилъ первую часть „Мертвыхъ душъ“, Гоголь все глубже уходитъ въ свой внутренній міръ, въ долгія сосредоточенныя думы, въ тихія созерцанія, въ поэтическую грезу. „Эта была, по выраженію Овсянко-Куликовскаго, „свѣтлая полоса и свѣтлый праздникъ его творчества. Онъ переживалъ высокія вдохновенія художника и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его душѣ звучали мелодіи религіозно-мистическія“ ²⁾. Но за свѣтлой полосой его жизни наступаетъ и другая мрачная, когда мистицизмъ его

¹⁾ Овсянко Куликовскій. «Рѣчь» № 77. 1909 г.

²⁾ Тоже.

принимаетъ характеръ патологическій. „Это уже не былъ“, говоритъ Овсяннико-Куликовскій, „тотъ свѣтлый и тихій мистицизмъ, который раньше озарялъ его душу свѣтомъ небесной радости и позволялъ шутить и смѣяться, радоваться впечатлѣніямъ жизни и предаваться восторгамъ творчества. Теперь это былъ мрачный и устрашающій мистицизмъ больного человѣка съ испуганной и встревоженной совѣстью человѣка, который въ жизни видитъ грѣхъ, грѣхъ, грѣхъ, за гробомъ ожидаетъ неслыханныхъ мукъ и, возсылая ежедневно Творцу испуганныя молитвы, терзается ужаснымъ сомнѣніемъ,—удастся ли ему замолить содѣянные и несодѣянные прегрѣшенія, грѣховныя помыслы, горделивыя мечты, суетныя желанія и всѣ слабости человѣческія. Онъ вѣритъ на слово изступленному фанатику, о. Матвѣю, своему истинно-злому гевію, и завѣщаль служить по своей смерти панихиды, панихиды, панихиды“¹⁾....

И такъ, по словамъ Овсяннико-Куликовскаго, не нормальная религіозность сгубила талантъ художественный Гоголя, а религіозность чрезмѣрная, фанатичная и суевѣрная.

Нападки современниковъ на Гоголя, хотя были во многомъ и несправедливы, но тѣмъ не менѣе естественны. Не забудемъ, что это были сороковые годы, когда въ русскомъ обществѣ происходилъ извѣстный всѣмъ переломъ подъ вліяніемъ идей, шедшихъ съ Запада. Передовые люди жаждали прогресса, но не того, о которомъ проповѣдывалъ Н. В. Гоголь. „Гоголь“, какъ говоритъ проф. Овсяннико-Куликовскій, „мало понималъ пути и идеи прогресса человѣческаго, боялся освободительныхъ идей своего времени, ему были чужды вопросы общественнаго и политическаго самосознанія, а также и очередные идеалы, выработывавшіеся въ философскомъ творествѣ эпохи 20—40 г.г. въ Запад. Европѣ, преимущественно въ Герма-

¹⁾ Ibid.

віи. Гегельянство внушало Гоголю родъ суевѣрнаго страха, а русскій очередной вопросъ—подготовка упраздненія крѣпостного права, этотъ больно́й вопросъ всѣхъ лучшихъ людей эпохи (не исключая такихъ, какъ Погодинъ) и западниковъ (не исключая такихъ, какъ Катковъ) можно сказать для Гоголя совсѣмъ не существовалъ. На эту жгучую тему онъ, повидимому, и не задумывался, въ то время какъ Тургеневъ уже далъ свою ганнибалову клятву“¹⁾.

Какую крайнюю отсталость Гоголя должны были почувствовать послѣ этого представители либеральнаго образа мыслей? Они естественно пришли послѣ этого въ смущеніе и даже раздраженіе, когда любимый доселѣ и авторитетный писатель, въ которомъ всѣ передовые люди того времени во главѣ съ Бѣлинскимъ, Герценомъ и Грановскимъ видѣли „надежду, честь и славу своей страны, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса“, со всею силою своего убѣжденія показалъ имъ въ вышеуказанной книгѣ, что въ основѣ истиннаго общественнаго воспитанія должно лежать стремленіе къ нравственному совершенствованію человѣка. Увидѣвъ въ цѣляхъ Гоголя не свои цѣли, и въ его лѣкарствѣ узнавъ старое, какъ міръ, покрытое плѣсенью, средство, современники сразу заклеямили Гоголя—страдальца обиднымъ презрѣніемъ. Недоразумѣнія всѣ эти произошли потому, что „Гоголя не поняли и онъ никого не понялъ“²⁾. Не понялъ его даже самъ В. Г. Бѣлинскій, „пробѣлы или ошибки въ сужденіяхъ котораго произошли главнымъ образомъ потому, что современникамъ не могъ быть извѣстенъ тотъ ходъ внутренней жизни Гоголя, который сталъ раскрываться только впоследствии, съ изученіемъ его біографіи“³⁾.

1) Овсянко-Куликовскій. „Рѣчь“. № 77. 1909 г.

2) Шеврокъ. IV, 446.

3) Пыпинъ. VI, 458.

„Когда Гоголь увидѣлъ, что его произведенія поняты были не въ томъ направленіи, какъ онъ ихъ задумывалъ, онъ отрекся отъ нихъ. Съ точки зрѣнія художника-аскета ему стало казаться, что его прежнія произведенія заключали въ себѣ ошибку, что они бывали легкомысленнымъ смѣхомъ, внушали раздраженіе и чуть ли не были внушены тѣмъ злымъ духомъ, котораго нужно было изгнать подвигами благочестія, чтобы возвыситься до истинной, священной задачи искусства“ 1).

Но какъ нельзя обвинять Гоголя, такъ нельзя его, намъ кажется, и совершенно оправдывать.

Гоголь, хотя и стремился къ христіанскому идеалу, но понималъ его односторонне.

Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы въ письмахъ, „Авторской Исповѣди“, „Завѣщаніи“ и особенно въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ Гоголь открыто выступаетъ учителемъ жизни. Здѣсь онъ обращается къ обществу отъ имени христіанства и православной церкви съ рѣшеніемъ почти всѣхъ общественныхъ вопросовъ, удручающихъ общество въ предреформенную эпоху. Гоголь хочетъ дать именно христіанское рѣшеніе общественныхъ вопросовъ; но въ какой мѣрѣ это рѣшеніе дѣйствительно христіанское и можно ли видѣть вообще въ религіозно-общественныхъ взглядахъ Гоголя голосъ самого православія или образца православнаго рѣшенія?

„Нельзя видѣть въ религіозно-общественныхъ взглядахъ Гоголя, высказанныхъ въ перепискѣ, чего-либо подобнаго голосу самого православія или образца православнаго рѣшенія разсматриваемыхъ въ ней вопросовъ, какъ этого хотѣлось бы нѣкоторымъ юбилейнымъ панегиристамъ Гоголя“ 2). Уже нѣкоторые выдающіеся іерархи русской церкви, какъ, напр., Филаретъ Московскій и Иннокентій Херсонскій не все въ перепискѣ принимали съ

1) Пыпинъ. IV, 487.

2) Проф. протоіер. Свѣтловъ. Идея Царства Божія, 218—219.

одобреніемъ. Митрополитъ Филаретъ, радуясь христіанскому направленію автора „Переписки“, соглашается, однако, что Гоголь „во многомъ заблуждается“. А Иннокентій Херсонскій просилъ Гоголя, черезъ Погодина, не „парадировать набожностью“, которая любитъ внутреннюю клѣтъ, а въ противномъ случаѣ плода не будетъ ¹⁾. Въ воззрѣніяхъ Гоголя по общественнымъ вопросамъ христіанская религія и православіе не могли найти себѣ точнаго выраженія, во-первыхъ, въ силу недостаточнаго религіознаго образованія его, имѣвшаго видъ безсистемной начитанности. Занимаясь разрѣшеніемъ религіозно-правственныхъ вопросовъ, „интересъ къ которымъ особенно сильно у Гоголя пробудился, по замѣчанію П. В. Анпенкова, со второй половины 1843 г., когда онъ проживалъ въ Италіи“ ²⁾. Съ этого времени Гоголь усердно изучаетъ какъ свято-отеческія творенія, такъ и творенія русскихъ духовныхъ писателей. Дѣлаетъ изъ нихъ выписки, которыя сами по себѣ хотя и имѣютъ высокую цѣнность, но „не представляютъ изъ себя чистаго, безпримѣснаго голоса церкви, чуждаго личнымъ мнѣніямъ отдѣльныхъ писателей, а тѣмъ болѣе не представляютъ собою полной системы православнаго нравоученія, въ которой бы всѣ части и члены ея уравнивались одни другими и не представлялись бы крайними, односторонними разпорѣчивыми и даже исключаящими себя взаимно (напр. смиреніе и самоуваженіе)“ ³⁾.

Такимъ путемъ Гоголь никакъ не могъ вынести цѣльнаго и всесторонняго пониманія христіанства. Онъ познакомился съ правоученіемъ отдѣльныхъ представителей православной церкви „въ отрывкахъ“ „и въ сущности сталъ только, по выраженію Н. И. Петрова, „несфитомъ“

¹⁾ Церковный Вѣстникъ, № 12, 1909 г. мѣс. мартъ. «Памяти Гоголя», 362.

²⁾ Проф. Н. И. Петровъ. «Новые матеріалы для изученія рел. прав. возрѣній Н. В. Гоголя. 271.

³⁾ Ibid, 278.

въ дѣлѣ религіозно-правственнаго самосознанія и само-усовершенствованія“¹⁾.

По мнѣнію профессора Н. И. Петрова, Гоголь, выступивъ въ роли проповѣдника христіанской нравственности, взялся не за свое дѣло.

Понимая односторонне религіозно-нравственные вопросы, Гоголь не менѣе своеобразно понималъ и вопросы политико-общественные. „Вся нечистая накипь на поверхности этой жизни, болѣе всего обличаемая самимъ Гоголемъ, могла исчезнуть, по его убѣжденію, безъ всякой ломки социальныхъ условій русскаго общества, благодаря лишь нравственному воспитанію людей по ученію отцовъ и учителей православной церкви, но то, что у послѣднихъ имѣло общій характеръ и могло быть примѣняемо ко всемъ людямъ, Н. В. Гоголь старался приспособить спеціально къ отдѣльнымъ сословіямъ и классамъ русскаго общества, и даже къ отдѣльнымъ лицамъ, напр., къ духовенству, къ помѣщику, къ губернатору, къ важному чиновнику, къ женщинѣ и т. д. Велѣдствіе этого христіанское правоученіе нерѣдко получало въ устахъ Гоголя такую своеобразную окраску, что иногда трудно опредѣлить подлинный первоначальный источникъ его отдѣльныхъ правоученій“²⁾.

Въ воззрѣніяхъ Гоголя по общественнымъ вопросамъ нользя видѣть выраженіе христіанства и православія, во вторыхъ, въ силу особенностей его религіозной христіанской настроенности.

Многими Гоголь вознесенъ на степень совершеннѣйшаго, образцоваго, идеальнаго христіанина, чистаго и полнаго, возможнаго человѣку, выразителя христіанства. Напр., свящ. Добропоровъ упорно настаиваетъ на томъ, что Гоголь понималъ христіанство во всей полнотѣ и

1) Н. И. Петровъ. Новые матеріалы для изученія рел.-прав. воззрѣній Н. В. Гоголя. 279.

2) Н. И. Петровъ. 279.

глубинѣ его значенія, и явился выразителемъ его ученія. „Возможно ли“, говоритъ свящ. Доброправовъ, „чтобы Гоголь односторонне понималъ христіанскую религію, Гоголь, такъ серьезно и строго относившійся къ вопросамъ своей духовной жизни. Идеаль христіанской жизни онъ усвоилъ не только сердцемъ, но и разумомъ, что и открывается изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проповѣдывалъ христіанство, строго согласовавшееся съ ученіемъ нашей православной церкви....

Если кто, то именно Гоголь могъ понимать религію во всей полнотѣ и глубинѣ ея значенія“¹⁾.

Данный отзывъ священника Доброправова свидѣтельствуеъ или о непониманіи имъ личности Гоголя, или о пристрастномъ, тенденціозномъ отношеніи къ нему.

Мы далеки отъ подобнаго рода сужденій о Гоголѣ, и солидарны со взглядами профессоровъ: Н. И. Петрова и прот. Свѣтлова.

Последній утверждаетъ, что „Гоголь“, хотя „жилъ и умеръ христіаниномъ и былъ высокорелигіознымъ человѣкомъ“, но „въ немъ не вмѣщалась вся полнота христіанскаго настроенія во всей его чистотѣ, и его христіанство носило окраску односторонняго аскетическаго типа“¹⁾

И въ этомъ пѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, потому что человѣкъ по своей ограниченности рѣдко бываетъ въ состояніи отразить въ себѣ во всей цѣльности и чистотѣ всю полноту и чистоту христіанской религіи.

Въ религіозномъ настроеніи Гоголя пассивная сторона религіи преобладаетъ надъ активной, а потому религіозность его принадлежитъ къ аскетическому типу, которымъ охватывается лишь половина христіанской религіи. Въ Гоголѣ выступаетъ все свойственное аскетическому типу и односторонне аскетической концепціи христіанства, какъ религіи отреченія отъ міра ради спасенія души или

1) Свящ. Доброправовъ. «Странникъ». 1901 г. Юль. „Н. В. Гоголь, какъ христіанинъ“. 83.

2) Проф. прот. Свѣтловъ. Идея Царства Божія. 219.

религіи личной морали: постоянное самоуглубленіе и нравственный самоанализъ, сосредоточеніе мыслей на загробной участи, страхъ смерти и памятованіе о ней, ригористическое отношеніе къ жизни и къ людямъ и т. п. рѣшеніе всѣхъ частныхъ вопросовъ подъ узкимъ угломъ одного и того же аскетическаго зрѣнія. Печать религиозно-аскетической односторонности лежитъ на всѣхъ сужденіяхъ Гоголя по вопросамъ церковно-и политико-общественнымъ. Примѣровъ и доказательствъ односторонне-аскетическаго настроенности Гоголя можно привести много, но мы позволимъ себѣ ограничиться нѣсколькими.

Обвиняютъ духовенство, напр., въ кастовой замкнутости, разобшеніи съ паствою, а Гоголь съ его односторонне-аскетическимъ міросозерцаніемъ всячески отстаиваетъ это величайшее и явное бѣдствіе русской церковно-общественной жизни, отстаиваетъ всеми правдами и неправдами, даже ссылкой на неподходящій примѣръ Самого Спасителя, Который, по выходѣ изъ тридцатилѣтняго уединенія, затѣмъ всю жизнь провелъ на глазахъ людей въ тѣснѣйшемъ общеніи съ ними.

Мало того, во имя ложнаго пониманія блага церкви, Гоголь существующее раздѣленіе духовенства и общества находитъ недостаточно еще значительнымъ и, по его мнѣнію, «священникъ не долженъ даже и встрѣчаться съ людьми иначе, какъ на исповѣди и проповѣди»; „молодой священникъ не долженъ даже и разговаривать со всеми, но только съ опытнѣйшими и мудрѣйшими“¹⁾. Конечно, въ такихъ условіяхъ священникъ теряетъ возможность, безъ знанія своей паствы, пастырскаго вліянія на паству и не знаетъ даже, о чемъ ей проповѣдывать, а потому Гоголь, защищающій отреченіе священниковъ отъ жизни, логически вынужденъ былъ придти къ безусловно-абсурднымъ мыслямъ своимъ о содѣйствіи губернаторовъ и помѣщиковъ

1) Выбр. мѣста изъ пер. съ друз. 36—37.

пастырямъ въ надлежащемъ исполненіи пастырскихъ обязанностей включительно до составленія проповѣди ¹⁾).

Изъ представленныхъ примѣровъ видно уже, что односторонне-аскетическая настроенность Гоголя не представляла благопріятной почвы для правильнаго освѣщенія общественныхъ и церковныхъ вопросовъ съ христіанской точки зрѣнія. И такъ П. В. Гоголь не былъ и не могъ быть, при его односторонне-аскетическомъ отношеніи къ жизни, хорошимъ христіанскимъ публицистомъ, толкователемъ христіанства предъ обществомъ, какъ это видно изъ представленныхъ нами нѣкоторыхъ его религіозно-общественныхъ взглядовъ. Ошибка Гоголя въ данномъ случаѣ состояла въ томъ, что онъ отрицалъ строеніе жизни общественной, въ смыслѣ внѣшнихъ улучшеній ея, и видѣлъ спасеніе не во внѣшнихъ реформахъ, а въ перевоспитаніи отдѣльныхъ личностей. „Позаботься прежде о себѣ“, пишетъ Гоголь, а потомъ о другихъ; стань прежде самъ почище другого, а потомъ уже старайся другимъ приносить пользу“ ²⁾, вотъ точная формулировка принципа, провозглашеннаго Гоголемъ.

Увлечшійся своею идеею спасенія русскаго общества дѣйствіемъ одного только моральнаго начала, онъ призналъ неприкосновеннымъ въ цѣломъ и подробностяхъ весь соціальный строй до-реформенной Россіи, справедливо стонавшей подъ его тяжестью. Болѣе того, всему, всѣмъ печальнымъ явленіямъ своего времени Гоголь посвѣщилъ дать религіозное освѣщеніе, оправданіе именемъ христіанской религіи и православной церкви, не исключая даже крѣпостного рабства, народнѣй темноты и невѣжества (XXII: „Русскій помѣщикъ“), пониженности духовнаго сословія и зависимости его отъ свѣтской власти и т. п. „Всѣ наши должности“, пишетъ Гоголь, „въ ихъ первообразѣ прекрасны и прямо созданы для земли нашей. Разсмотримъ нарочно организмъ губерній“ и далѣе

1) Письма XXI—XXII: «Что такое губернаторша» и «Русскій помѣщикъ»

2) Выбран. мѣста изъ переп. съ друзьями. 75 стр.

пространно восхваляется весь бюрократическій режимъ до-реформенной Россіи (XXVIII: „Занимающему важное мѣсто“).

Вотъ въ какія дебри заведенъ былъ Гоголь попыткой послѣдовательнаго проведенія односторонней идеи о зависимости общественнаго блага исключительно отъ моральнаго состоянія отдѣльныхъ лицъ.

Чѣмъ же, спрашивается, объяснить односторонность рѣшенія Гоголемъ коренныхъ вопросовъ національной и государственной жизни?

По мнѣнію проф. Мыпина, односторонность эта объясняется тѣмъ, что Гоголь вмѣсто того, чтобы входить въ общеніе съ просвѣщеннѣйшими людьми, которымъ и русская жизнь и вопросы нравственные были столько же дороги и близки, избѣгалъ общества и особенно литературнаго и университетскаго; наукъ онъ былъ чуждъ, не вѣрилъ въ нее и не зналъ ея: „всѣ теоріи совершенный вздоръ и ни къ чему не ведутъ“, говорилъ онъ въ 1834 г., и затрагивая, однако, самые коренные вопросы національной и государственной жизни, Гоголь оставался въ нихъ безпомощнымъ самоучкой“¹⁾).

По мнѣнію проф. Шенрока, Гоголь не зналъ жизни. Сужденія его отличались „крайней отрѣшенностью отъ жизни“. Какъ только Гоголь „начиналъ отъ отвлеченной проповѣди переходить къ указаніямъ болѣе практическимъ и близкимъ къ жизни, такъ тотчасъ же обнаруживалась вся несостоятельность его мечтаній“²⁾).

Страдая всю жизнь отъ противорѣчія христіанскаго идеала и дѣйствительности, Гоголь стремился къ воплощенію его въ жизни. Этотъ идеаль онъ хотѣлъ изобразить въ своемъ капитальномъ произведеніи „Мертвыя души“, въ которомъ бы въ новыхъ художественныхъ образахъ, какъ въ зеркалѣ, изображены были всѣ дурныя и хорошія стороны нравственной природы человѣка; при чемъ собирався придать этимъ образамъ такую силу,

1) Шенрокъ. IV, 636.

2) Ibid, 642.

чтобы они произвели потрясающее дѣйствіе на душу чело-
вѣка, наглядно показавъ ему, что нельзя шутить съ
серьезными вопросами жизни. Возрожденіе общества од-
нимъ энергичнымъ призывомъ къ добру казалось Гого-
лю хотя и не легкой, но все таки выполнимой задачей.
Но эта высокая и сложная задача оказалась ему не по
силамъ. „Мечтанія Гоголя о грандіозномъ „Левіафанѣ“
оказались заблужденіемъ и привели къ крушенію какъ
его художественнаго творчества, такъ и всей жизни“ 1).

Высокое представленіе объ общественномъ долгѣ ху-
художника завлекло Гоголя въ лабиринтъ, изъ котораго
онъ не нашелъ выхода. Въ послѣднія минуты своей жи-
зни Гоголь напоминаетъ собою надѣленный сознаніемъ по-
тухающій вулканъ, который чувствуетъ потребность по-
трясти небо и землю своими громовыми ударами, но у
котораго хватаетъ силъ только для одного жалкаго пищѣнія.

Смерть прекратила все его мучащіе вопросы. И такъ,
поставивъ своею цѣлью пролить свѣтъ для правильнаго,
объективнаго пониманія личности великаго писателя и
страдальца Н. В. Гоголя, считаемъ нужнымъ въ заключе-
ніе указать въ общихъ чертахъ значеніе его, предъ рус-
скимъ обществомъ, какъ моралиста.

Заслуги Гоголя предъ русскимъ обществомъ въ этомъ
отношеніи не малы.

Мысль его о необходимости согласованія всего строя
нашей жизни съ требованіемъ евангелія, такъ настойчиво
высказанная имъ въ нашей литературѣ въ первый разъ,
явилась тѣмъ добрымъ сѣменемъ, которое выросло въ
пышный плодъ позднѣйшей русской литературы въ ея
лучшемъ и доминирующемъ направленіи. Призывъ обще-
ства къ обновленію началами христіанства, хранимаго въ
православной церкви, былъ и остается великою заслугою
Гоголя предъ отечествомъ и дѣломъ великаго мужества
для его времени, чаявшаго спасенія въ принципахъ ев-
ропейской литературы.

Гоголь явился „самой яркой, самой горячей свѣчей на-
шей совѣсти предъ Богомъ“. „Свѣтъ его души засвѣ-
тился надъ Тьмою и „ Тихо свѣтитъ по всему міру яр-
кою звѣздою“

1) Пыпинъ. IV, 464.

2) Илья Рѣпинъ.

II.

О б ъ я в л е н і я .

Съ благословенія Предсѣдателя Кубанскаго Александро-Невскаго Братства Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Ейскаго, Викарія Ставропольской епархіи

— ОТКРЫТЪ —

въ г. Екатеринодарѣ, Куб. обл.

при книжномъ складѣ Александро-Невскаго Братства
(Красная ул., д. Фабриченко).

СКЛАДЪ церковной утвари и
КОЛОКОЛОВЪ.

Первой въ Россіи фирмы, поставщиковъ Его Императорскаго
Величества,

Товарищество Оловяжниковъ С-вья.

Сей-часъ въ складѣ имѣются

ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ

всевозможныя церковныя вещи

для розничной продажи по фабричной цѣнѣ.

А ТАКЪ ЖЕ

П Р И Н И М А Ю Т С Я П О Д Р Я Д Ы

на поставку иконостасовъ съ художественной и обыкновенной живописью,

ЗАКАЗЫ ИКОНЪ.

Кромѣ того при складѣ имѣются
церковно-богослужебныя книги, епархіальныя восковыя свѣчи
и экономическій уголь для кадилъ.

По дѣламъ склада обращаться къ товарищу предсѣдателя Александро-Невскаго Братства, въ Екатеринодарѣ, Куб. обл. собствен. дом. Протоіерею СОЗОНТУ МИЩЕНКО.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ Т. М. ТИМОВЕЕВА,

губ. г. Ставрополь—Кавказъ.

Поступила въ продажу:

Программа предметовъ для экзамена ищущихъ священническаго и діаконскаго сана въ Ставропольской епархіи.

Цѣна 15 коп., съ пересылкой 26 коп.

Программа испытаній для желающихъ исполнять должность псаломщиковъ въ Ставропольской епархіи

Цѣна 15 коп., съ пересылкой 26 коп.

При требованіи просятъ эту сумму высылать почтовыми марками.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ официальный. I. Распоряженія Епархіальнаго Начальства II. Извѣстія. Отдѣлъ неофициальный. I. Н. В. Гоголь, какъ религиозно-правственный мыслитель. II. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, протоіерей **К. КУТЕПОВЪ.**

Цензоръ, священникъ *Г. Ключаревъ.*

СТАВРОПОЛЬ.

Типо-Литографія Т. Тимовеева, уг. Театральной и Александровской

1910